

Едва Цзян Сюньвэй покинул комнату, Цзян Чжэн поспешила следом. Она опасалась, как бы Ли Жун и Цэнь Сяо не сболтнули отцу лишнего о её недавних контактах с бывшим возлюбленным. К счастью, Цзян Сюньвэй выглядел спокойным — похоже, он ни о чём не догадался.

Проводив их взглядом, Гэн Ань отодвинул ширму и заметил, что Ли Жун замер, задумчиво вертя в пальцах фарфоровую чашку. Его профиль казался необычайно печальным. Гэн Ань тут же бросил вопросительный взгляд на Цэнь Сяо, и тот едва заметно кивнул.

— Пожалуй, я тоже пойду, — мгновенно сориентировался Гэн Ань. — Дома дела накопились.

Ли Жун поднял глаза на звук голоса, но не успел ничего сказать — Гэн Ань уже поспешно ретировался.

Цэнь Сяо перевёл взгляд на нетронутые блюда темпуры и сашими. Не желая насильно вытягивать юношу из его меланхолии, он лишь мягко предложил:

— Раз уж заказали, давай хоть немного поедим. Выглядит свежим.

Ли Жун понимал, что не стоит поддаваться унынию, но порой чувства берут верх над рассудком. Он окинул взглядом стол, глубоко вздохнул и, придвинувшись к Цэнь Сяо, хитро прищурился:

— Выпьешь со мной?

Тот ничего не ответил, лишь пристально посмотрел ему в глаза. Ли Жун улыбался, но эта улыбка совсем не затрагивала взгляда. Цэнь Сяо понимал: за всё это время такой сильный человек, как Ли Жун, уже давно смирился со смертью родителей. Просто сегодняшний день выдался особенным — то, как Цзян Сюньвэй оберегал свою дочь, задело старые раны.

Заметив, что собеседник медлит с ответом, юноша не обиделся. Он легонько сжал его предплечье и протянул:

— Ты ведь у нас человек-загадка. Никто ещё не знает, каков твой предел. Составишь мне компанию?

Взгляд Цэнь Сяо потемнел, становясь таким же глубоким, как и его никому не известная мера в выпивке. Он чувствовал, что Ли Жуну нужна разрядка. Когда долго подавляешь в себе боль, порой просто не знаешь, как её выплеснуть, кроме как забывшись в хмелю.

Он нажал на кнопку вызова официанта. Спустя мгновение в дверях появился работник

заведения.

— Желаете что-нибудь заказать? — вежливо поинтересовался он.

— Две чашки молока и две бутылки саке, спасибо, — ответил Цэнь Сяо.

Когда официант скрылся за дверью, Ли Жун недовольно надулся и откинулся на спинку сиденья:

— Ну зачем ещё и молоко?

— Пока не выпьешь его, даже не надейся, что я притронусь к алкоголю, — строго отрезал Цэнь Сяо.

Юноша невольно улыбнулся. Подобная угроза была совсем не грозной, но от неё на душе стало удивительно тепло. Цэнь Сяо знал о его слабом желудке и, понимая, что Ли Жун не отступится, старался хоть как-то подготовить его организм к нагрузке.

Вскоре принесли две чашки свежего молока и два керамических кувшинчика с саке.

— Молоко за счёт заведения, — пояснил официант. — Вот ваше саке. Также у нас есть свежее Вино в бамбуке, не желаете попробовать?

Ли Жун, не дожидаясь согласия спутника, щедро махнул рукой:

— Да, несите, попробуем.

Вскоре на столе появилось Вино в бамбуке. Бамбуковый сосуд был желтовато-зелёным, снаружи он покрылся слоем водяной дымки. В аромате спиртного чётко ощущался свежий запах бамбука — весьма характерно, но Ли Жун не ожидал, что порция окажется настолько внушительной.

Цэнь Сяо по одному запаху понял, что градус у этого напитка приличный. Он пододвинул к Ли Жуну чашку:

— Пей давай. Послушным мальчиком.

Юноша, поморщившись, взял молоко. Он терпеть не мог этот вкус, особенно без капли сахара, но под обжигающим взглядом Цэнь Сяо ему пришлось осушить чашку до дна. В желудке тут же возникло приятное ощущение сытости. Его собеседник расправился со своей порцией одним глотком.

Ли Жун потянулся к кувшинчику с sake, легонько встряхнул его двумя пальцами и лукаво улыбнулся:

— Давай сразу договоримся: что будет, если я тебя перепью?

— И чего же ты хочешь? — небрежно поинтересовался Цэнь Сяо, беря свой сосуд.

Рассеянный взгляд Ли Жуну мгновенно стал сосредоточенным. Он замолчал на несколько секунд, а затем медленно, чеканя каждое слово, произнёс:

— О чём я спрошу, на то ты и ответишь. Честно.

Его взгляд был кристально чистым, а в темных зрачках отражалось лицо Цэнь Сяо. Мужчина усмехнулся:

— Идёт.

Он и мысли не допускал, что может проиграть. Ли Жун тоже не знал истинного предела Цэнь Сяо — он лишь помнил, что тот всегда находил массу поводов уклониться от выпивки на деловых встречах, а потому никто никогда не видел его пьяным. «Наверное, он не так уж и силен в этом...» — подумал юноша. Способность усваивать алкоголь во многом зависит от генов, а его родители — Ли Цинли и Гу Нун — никогда не хмелели с пары чарок. Ли Жун считал, что в этом вопросе природа его не обделила.

Он легонько чокнулся с Цэнь Сяо:

— А если проиграю я... тогда покажу тебе свои детские фотографии.

Он вспомнил, что в прошлой жизни тот просил об этом, но тогда Ли Жун наотрез отказал.

Цэнь Сяо поднёс кувшинчик к губам и сделал глоток.

— Ты и правда думаешь, что я тебя маленьким не видел? — многозначительно протянул он.

— О? — Ли Жун вскинул бровь.

Sake обожгло горло приятным теплом. Благодаря молоку алкоголь не вызвал в желудке резкого раздражения.

— Альбом я не листал, — пояснил Цэнь Сяо, — но тебя самого видел. Был такой серьёзный, как маленький снеговик, даже не улыбался никогда.

— Да никто не улыбается круглые сутки, — рассмеялся Ли Жун.

Он знал, что тот следил за ним в детстве, но не помнил, чтобы всегда ходил с таким суровым лицом. Цэнь Сяо посмотрел на блестящий след от вина на его губах и тихо добавил:

— Впрочем, когда ты не улыбаешься, ты тоже очень красив.

Ли Жун снова чокнулся с ним:

— Ешь сашими, а то боюсь, у тебя не хватит сил отвечать на мои вопросы.

— Тогда и тебе нужны силы для допроса, — парировал Цэнь Сяо.

Он подцепил палочками ломтик моллюска, обмакнул в соус и поднёс к губам Ли Жуна. Тот послушно открыл рот, касаясь губами кончиков палочек. Мясо было нежным, а губы юноши, увлажнённые вином, казались ярко-алыми на фоне бледного деликатеса. Цэнь Сяо проводил взглядом то, как губы Ли Жуна сомкнулись на кончиках палочек, и сам отправил в рот кусочек лосося тем же прибором.

— Капитан Цэнь, — Ли Жун заглянул в свой кувшинчик, — такими темпами мы до утра будем трезвыми.

— Ты явно переоцениваешь свои возможности, — усмехнулся Цэнь Сяо.

И sake, и Вино в бамбуке были довольно крепкими. Поначалу хмель кажется незаметным, но коварно накрывает спустя время. Ни один из них давно не притрагивался к спиртному, и Цэнь Сяо надеялся, что Ли Жун опьянеет быстрее.

Чашка за чашкой они осушили sake и разделались с большей частью закусок. Шея Ли Жуна начала розоветь, а тело — наливаясь жаром. Он раздражённо расстегнул воротник, впуская прохладный воздух к пылающей коже. Ощувив мимолётное облегчение, юноша потянулся к тяжёлому бамбуковому сосуду.

Цэнь Сяо накрыл его ладонь своей:

— Уверен, что хочешь продолжать?

Ладонь мужчины была горячее обычного, а в дыхании чувствовался запах вина. Он ощущал приятное возбуждение, но до настоящего опьянения было ещё далеко.

— Конечно. Мы же договорились, — глаза Ли Жуна блестели, и хотя тело уже подводило,

рассудок оставался ясным.

Вино в бамбуке шло удивительно легко. В нём не было резкости, а во рту оставалось сладковатое послевкусие. Ли Жун, словно изнывающий от жажды путник, прикладывался к чаше снова и снова. Любой, кто редко пьёт, легко верит в сказку о том, что алкоголь лечит печаль, но на деле это лишь временная иллюзия.

Когда бамбуковый сосуд опустел наполовину, Цэнь Сяо всё ещё сидел прямо, а вот Ли Жун окончательно поплыл. Он замер, поставив локти на стол и обхватив чашу обеими руками. Взгляд его был сфокусирован, но информация доходила до мозга с огромной задержкой.

Цэнь Сяо понял: пора останавливаться. Он мягко, но настойчиво отобрал чашу у юноши и подхватил его обмякшие руки.

— Хватит.

Ли Жун, чей взгляд затуманился, а кончики ушей стали пунцовыми, несколько секунд пристально смотрел на него, а затем доверчиво прильнул, прижимаясь горячей щекой к лицу Цэнь Сяо, которое казалось ему сейчас спасительно прохладным.

— Почему ты всё ещё трезвый? Как же мне тогда выиграть? — пробормотал он.

Внезапное тепло и мягкость, наполнившие объятия, заставили мужчину едва не выронить кубок. Мягкие волосы Ли Жуна щекотали шею, а сам юноша, уже не сознавая, что делает, продолжал тереться лицом о его ухо и щёку. Цэнь Сяо подавил вспыхнувшее желание, обнял его за шею и принялся медленно поглаживать затылок.

— Если я опьянею, кто же доставит тебя домой, а?

Ли Жун внезапно перестал елозить — щёку Цэнь Сяо он уже успел согреть. Юноша упёрся ладонями в его плечи, приподнялся и, коснувшись своим носом его носа, тихо спросил:

— Домой? Но у меня больше нет дома.

В груди Цэнь Сяо болезненно кольнуло. Он коснулся губами его влажных губ:

— Есть.

Ли Жун в полузабытьи замер, словно смакуя этот мимолётный поцелуй.

— Ты уже давно живёшь в моём доме, — низким голосом прошептал Цэнь Сяо.

Ли Жун всерьёз обдумал эти слова. И правда, обе жизни он в итоге оказывался у этого человека. Он удовлетворённо облизнул губы, но кротость в его взгляде быстро сменилась хмельным упрямством.

— И всё равно ты что-то от меня таишь! — возмутился он.

С этими словами он мстительно прикусил губу Цэнь Сяо. Мужчина охнул от острой боли — Ли Жун хоть и пощадил его, не прокусив до крови, но укусил чувствительно. Цэнь Сяо перехватил его за подбородок и насмешливо спросил:

— И откуда такая дерзость? Неужели думаешь, что победил?

Ли Жун, чей разум был окончательно затуманен, тут же потянулся к бамбуку:

— Тогда пьём дальше!

— Нет, — Цэнь Сяо перехватил его руку и, подняв юношу, накиннул на него пальто. Он застегнул молнию до самого подбородка и нежно поцеловал в надутые губы. — Идём, сокровище. Пора домой.

<http://bllate.org/book/15351/1505723>